

Международные водотоки, международное водное право и Центральная Азия

Ричард Кайл Пейсли

Международная инициатива по управлению водными ресурсами, Институт азиатских исследований, Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

*для корреспонденции: rpaisley@mail.ubc.ca

Данная версия является переводом статьи «International watercourses, international water law and Central Asia», опубликованной в журнале 07 февраля 2019г.

MPНТИ 10.53.47

doi: 10.29258/CAJWR/2018-RI.v4-2/25-51.rus

Аннотация

Международные водотоки являются очень важной частью фонда водных ресурсов Центральной Азии (ЦА), где «связь вода-энергия-сельское хозяйство» долгое время была серьезной проблемой. Суть проблемы - конфликт между национальными государствами у верхнего бьефа, желающими произвести попуск воды зимой для выработки гидроэлектроэнергии, и государствами у нижнего бьефа, желающими произвести попуск воды летом главным образом для сельскохозяйственных целей у нижнего бьефа. Два государства ЦА (Кыргызстан и Таджикистан) имеют относительный избыток воды.¹ Четыре других государства ЦА (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Афганистан) говорят, что не получают своей справедливой доли от великих рек региона - Сырдарьи и Амударьи, которые протекают через ЦА от гор Тянь-Шаня/Памира и Гиндукуша к остаткам Аральского моря. В этом документе критически рассматривается вопрос о происхождении сложной проблемы связи между водой, энергией и сельским хозяйством ЦА, роли международного права в возможном разрешении проблемы и возможном пути продвижения вперед. Этот путь вперед включает удвоение усилий всех государств ЦА, включая Афганистан, по разработке одного или нескольких юридически обязывающих международных соглашений ЦА в отношении международных общих водных и связанных с ними ресурсов вместе с посредничеством на высоком уровне для отражения возможных возражений у нижнего бьефа в новых проектах развития гидроэнергетики.

Ключевые слова: международные воды, управление, conundrum (дилемма, неразрешимая ситуация), международное водное право, разрешение конфликтов.

1. Введение

Международные водотоки являются очень важной частью фонда водных ресурсов Центральной Азии (ЦА), где «связь вода-энергия-сельское хозяйство» долгое время

¹ Международная кризисная группа, МКГ (2014). Факторы водного кризиса в Центральной Азии [Water Pressures in Central Asia]. Доклад МКГ №233 Ош/Брюссель.

была серьезной проблемой.² Суть проблемы - конфликт между национальными государствами у верхнего бьефа, желающими производить попуск воды зимой для выработки гидроэлектроэнергии, и государствами у нижнего бьефа, желающими производить попуск воды летом главным образом для сельскохозяйственных целей у нижнего бьефа.³ Два государства ЦА (Кыргызстан и Таджикистан) имеют относительный избыток воды.⁴ Четыре других государства ЦА (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Афганистан) говорят, что не получают своей справедливой доли от великих рек региона - Сырдарьи и Амударьи, которые протекают через ЦА от гор Тянь-Шаня/Памира и Гиндукуша к остаткам Аральского моря.⁵ См. Рисунок 1.

Согласно отчету Международной кризисной группы за 2014 год политическое, экономическое, экологическое и социальное давление в ЦА, вероятно, усиливается, особенно в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.⁶ Население в ЦА увеличилось почти на 10 миллионов с 2000 года, и ограниченные пахотные земли истощаются из-за чрезмерного использования и устаревших методов ведения сельского хозяйства.⁷ Повсеместная коррупция и разрушающаяся инфраструктура все чаще оказывают пагубное воздействие, а изменение климата, скорее всего, будет все чаще иметь долгосрочные отрицательные последствия для всей ЦА.⁸ По мере того, как различные экономики ЦА продолжают становиться все более слабыми, а государства все более хрупкими, обострившийся национализм, (воспринимаемая) религиозная дискриминация и догматизм, пограничные споры и региональная напряженность все

---

² См. ссылку: https://en.wikipedia.org/wiki/Water_energy_and_food_security_nexus, согласно которой «взаимосвязь «вода-энергия-продовольственная безопасность» означает, что водная безопасность, энергетическая безопасность и продовольственная безопасность неразрывно связаны между собой, и что действия в любой из этих сфер обычно оказывают воздействие на одну или обе другие. Связи между водой, энергией и продовольствием лежат в основе устойчивого экономического и экологического развития и защиты. Спрос на все три ресурса продолжает расти, что обусловлено ростом населения, постоянными перемещениями людей с ферм в города, ростом доходов и увеличением желания тратить эти доходы на товары, требующие потребления энергии и воды. Орошаемое земледелие является крупнейшим потребителем пресной воды, а более четверти потребляемой энергии во всем мире приходится на сферы производства, продажи и использования продовольственных товаров. Большая способность платить за воду повышенного качества позволит альтернативным источникам воды (напр., за счет опреснения), достигать города с больших расстояний, например, поставка опресненной морской воды, часто требующей энергоемких методов производства и транспортировки. Неразрывность связей между этими секторами продолжает требовать внедрения тщательно разработанных планов по защите продовольствия и воды, а также продовольственной безопасности». См. также: Биксель, Кристин (2017). Вода как оружие: вода и энергия как источники конфликтов между центральноазиатскими государствами-правопреемниками советских республик [*Weaponizing water: water and energy as sources of conflict among the Central Asian soviet successor states*], 22 Mich. St. Int'l. L., изд. 409.

³ Пейсли, Р.К. (2017). Грядет зима: стратегические интересы США и разрешение дилеммы взаимосвязи «вода-энергия-сельское хозяйство» в Центральной Азии [*Winter is Coming: USA Strategic Interests and Addressing the Water-Energy-Agriculture Nexus Conundrum in Central Asia*], Всемирный фонд дикой природы (ВФДП) США.

⁴ МКГ (2014). Факторы водного кризиса в Центральной Азии. Доклад МКГ №233 Ош/Брюссель.

⁵ Там же (Исполнительное резюме).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Общая численность населения: 64,97 М (немного меньше, чем во Франции); Казахстан: 17,74 М; Кыргызстан: 5,55 М; Таджикистан: 7,91 М; Туркменистан: 5,11 М; Узбекистан: 28,66 М.¹²

Общий валовой внутренний продукт: 414,74 млрд. долларов США (В) в 2012 году (немного меньше, чем в Бельгии). ВВП на душу населения - около 6 400 долларов США (чуть меньше, чем в Бутане). Существует большой разрыв в доходах (и относительно большой процент людей в каждой стране живет в бедности). Казахстан: 231,3 млрд. долларов США; Кыргызстан: 13,47 млрд. долларов США; Таджикистан: 17,72 млрд. долларов США; Туркменистан: 47,55 млрд. долларов США; Узбекистан: 104,7 млрд. долларов США¹³.

3. Международное право

Международное право - это свод правил, которые национальные государства используют для управления своими отношениями. Международное право отличается от национального права. В национальной правовой системе центральный законодатель или законодательный орган обычно издает законы, исполнительная власть осуществляет законы и обеспечивает их соблюдение, а судебная система толкует и применяет законы. По большому счету, в международной правовой системе нет эквивалентов этим органам.

Национальные государства принимают довольно детальную структуру управления в качестве цены принадлежности к международному сообществу. Государства, которые отказываются это делать, становятся все более редкими и обычно рассматриваются как парии. Проще говоря, все государства связаны обычным международным правом независимо от того, приняли ли они его явно или нет.

Необходимо провести важное различие между внутренним или местным законодательством и международным правом. Первое управляет гражданами национальных государств, но не всегда. Национальные государства создают правила, которые регулируют их граждан, и которые применяются в пределах их территориальной юрисдикции, в том числе земли в пределах их границ, внутренних вод, территориального моря и воздуха над этими районами, простирающихся до точки, в которой начинается правовой режим космического пространства. Каждая из этих территориальных зон определяется правовыми нормами. Территории за пределами национальной юрисдикции каждого национального государства включают открытое море, глубоководные районы морского дна, атмосферу и космическое пространство и,

---

¹² Оценка по состоянию на июль 2013 г., *Всемирная книга фактов (The World Factbook)*.

¹³ *Всемирная книга фактов*, паритет покупательной способности.

возможно, некоторые ограниченные земельные участки в Антарктике. Эти территории иногда называют «всеобщим достоянием», и международные правила также регулируют эти территории.

Международное право, как правило, может рассматриваться как основанное на согласии национальных Государств, его основных субъектов. Международные договоры затрагивают только те национальные Государства, которые соглашаются быть юридически связанными письменным соглашением. Международное право обычно формируется, когда национальным Государствам необходимо сотрудничать с другими национальными Государствами. Эта необходимость сотрудничества создает стимул для соблюдения норм международного права. Однако условия действительно меняются, что может привести к нарушениям международного права. Правонарушающие национальные Государства могут вызывать дипломатическое давление, меры, принятые ООН. Совет Безопасности, санкции, контрмеры и, в крайнем случае, военное вмешательство, ответные меры, некоторые из которых сами по себе могут быть незаконными.

Статья 38(1)(b) Статута Международного Суда описывает закон, который должен применяться МС при рассмотрении дел в рамках его юрисдикции, и, как правило, считается наиболее авторитетным перечислением источников Международного права.

38(1)(b)

1. Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет:

- a. международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;*
- b. международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;*
- c. общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;*
- d. с оговоркой, указанной в статье 59, [т.е. что только стороны, связанные решением в любом конкретном случае] судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.*

Элементы обычного международного права обычно включают в себя: общую практику национальных Государств, обычно с течением времени (Государственная практика); требование о том, чтобы рассматриваемое действие осуществлялось исходя из чувства правового обязательства (убежденности в правомерности); и чтобы эта практика была единой, не отвергнутой значительным числом национальных Государств.

Доказательство обычая может быть затруднено (см., например, *Дела о континентальном шельфе Северного моря*), но в статье 38(1)(d) Статута МС определены формы доказательства обычного международного права, т.е. «судебные

решения и учения наиболее высококвалифицированных публицистов» как «вспомогательные средства для определения», т.е. как доказательство «норм [обычного международного] права».

В 1950 году Комиссия международного права определила более широкий список возможных форм доказательств обычного международного права: договоры, решения национальных судов и международных трибуналов, национальное законодательство, дипломатическая переписка, мнения национальных юрисконсультов и практика международных организаций («Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблеи (Часть II): Пути и средства повышения доступности доказательств обычного международного права», [1950] 2 Y.B. Int'l L. Comm'n 367, ILC Doc. A/1316).

В целом, международное право регулирует все аспекты отношений между национальными Государствами. Со времени создания Организации Объединенных Наций в 1945 году международно-правовая система в первую очередь занималась поддержанием международного мира и безопасности (Устав ООН, ст. 1(1)). Однако международно-правовая система регулирует все другие аспекты межгосударственных отношений, включая права человека, защиту и использование моря, торговлю, защиту и использование природных ресурсов и окружающей среды, а также международные финансовые режимы и инвестиции.

На закон и его применение влияют такие факторы, как бедность; здравоохранение; разрыв между севером и югом; и чрезмерные и несправедливые модели потребления.

В области международного права может быть целесообразно проводить различие между «жестким» и «мягким» правом. Жесткое право обычно состоит из императивных норм. Для сравнения, «мягкое» право не является императивным. Тем не менее, мягкое право становится все более важным в развитии международного права. Как отмечается ниже, мягкое право может быть найдено в инструментах, которые сами не имеют обязательной силы, таких как декларации, принятые Генеральной Ассамблеей ООН или конференциями Государств. В области окружающей среды мягкое право имеет первостепенное значение. Стокгольмская декларация 1972 года и Декларация Рио-де-Жанейро 1992 года являются инструментами мягкого права, однако они установили ожидания действия со стороны национальных Государств и, таким образом, подготовили путь для развития права. Принцип 21 Стокгольмской декларации и его аналог в Декларации Рио-де-Жанейро, Принцип 2, были особенно влиятельными и, вероятно, стали обычными нормами. (См., например, *Арбитражный суд, образованный по делу Кишенганги на водах Инда* (Пакистан против Индии), и Дело, касающееся целлюлозных заводов на реке Уругвай, МС Отчеты 2010, стр. 14).

Мягкое право иногда называют более гибким, динамичным и демократичным, чем жесткое право. Создание мягкого права не зависит от официальных переговоров между уполномоченными дипломатами. Мягкое право может иницироваться или в

значительной степени находиться под влиянием НПО и международных организаций, таких как Программа ООН по окружающей среде. Различные группы Государств могут также оказать существенное влияние на развитие мягкого права, как, например, в случае Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и более слабых групп развивающихся стран в рамках Организации Объединенных Наций.

Жесткое право обычно включает в себя конвенции, договоры, соглашения и протоколы. Все это разные названия одной и той же вещи, т.е. юридически обязывающих письменных соглашений между Государствами. В области международного экологического права, договоры, которые обычно принимают форму Многосторонних природоохранных соглашений (МПС), определяют то, что можно рассматривать как международное законодательство в области окружающей среды. Например, Конвенция о биологическом разнообразии насчитывает 196 участников, включая Афганистан, что превышает количество членов Организации Объединенных Наций (193). Таким образом, практически все страны мира связаны этим договором, придавая ему «нормативное» значение.

Договоры могут кодифицировать существующие и появляющиеся нормы или создавать новые обязательные правила. Венская конвенция 1969 года о праве международных договоров¹⁴ является общепринятой в качестве кодификации норм обычного международного права о договорах. Венская конвенция о праве международных договоров определяет, что такое договор (Часть 1), и устанавливает правила заключения и вступления в силу договоров (Часть 2), их соблюдения, применения и толкования (Часть 3), их изменения и модификации (Часть 4), а также их недействительность, прекращение и приостановление действия (Часть 5).

Под мягким правом понимаются такие документы, как декларации, руководящие принципы, резолюции и заявления о принципах или кодексы поведения, которые не имеют обязательной юридической силы. Оно включает в себя резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, декларации конференций, такие как Стокгольмская декларация по проблемам окружающей среды человека 1972 года и Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года, а также заявления основных органов Организации Объединенных Наций. Некоторые наблюдатели также классифицируют заявления крупных НПО, таких как МСОП и ВФОР, как форму мягкого права.

Мягкое право становится все более распространенным на международном уровне. Инструменты мягкого права могут также заложить основу для последующих юридически обязывающих соглашений. Например, руководящие принципы ЮНЕП-ФАО 1989 года по предварительному обоснованному согласию (ПОС) в отношении

---

¹⁴ Венская конвенция о праве международных договоров, Вена, 23 мая 1969 г., 1155 Сборник договоров ООН 331.

некоторых токсичных химических веществ и пестицидов привели к Роттердамской конвенции 1998 года о предварительном обоснованном согласии (ПОС) и Международному обязательству ФАО 1983 года по генетическим ресурсам растений привело к принятию в 2001 году Международного договора о генетических ресурсах растений для производства продуктов питания и ведения сельского хозяйства.

Хотя мягкое право обычно создает амбициозные цели, а не строгие правовые обязанности, это не всегда так. Иногда неофициальный документ является настолько точным и подробным, что его легко принять за договор - примером могут служить «Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий», пересмотренные в 2011 году. Как говорится в предисловии Генерального секретаря ОЭСР: «Руководящие принципы являются примером многостороннего инструмента, который будет все больше и больше использоваться в будущем для установления правил, которые, хотя и не являются формально юридически обязательными, предназначены для работы, должны реализовываться, выполняться и контролироваться. Опять же, хотя они и не являются формально юридически обязательными, такие инструменты могут создавать ожидания того, что национальные Государства будут выполнять их.

Вопрос о том, соблюдают ли Государства и другие лица обязательства по мягкому праву так же, как они выполняют обязательные нормы договорного права, остается предметом дискуссий. Первые результаты исследований показывают, что соблюдение мягкого права более вероятно, когда инструменты мягкого права связаны с обязательными международными соглашениями или с существующими региональными и национальными правовыми механизмами. Однако это не меняет того факта, что мягкое право часто является предшественником жесткого права. Часто это представляет собой то, что можно считать моральным обязательством, которого Государства пытаются придерживаться.

4. Международное водное право

Международное водное право, касающееся несудоходных видов использования международных водотоков, традиционно страдает от неопределенности. Во-первых, исторически использовался ряд противоречивых теоретических подходов или принципов для определения и обоснования соответствующих прав прибрежных национальных Государств в отношении количества воды, которое может извлекать каждое государство, и допустимости использования международных водотоков. Во-вторых, до относительно недавнего времени существовало относительно небольшое количество норм международного права по этому вопросу, причем вместо этого основное внимание уделялось судоходным вопросам. В-третьих, в существующем

международном праве, как правило, преобладают двусторонние и региональные договоры, а не многосторонние или более общепринятые соглашения.¹⁵

Международное водное право, как и международное право в целом, может принимать одну из двух общих форм: международное договорное право или обычное международное право. Если национальные государства, делящие международные пресноводные ресурсы, не являются участниками применимого договора, их права и обязанности регулируются обычным международным правом.

Преобладают три отдельных международных соглашения: Конвенция ООН по водотокам о несудоходном использовании международных водотоков 1997 года¹⁶; Конвенция ЕЭК ООН об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер 1992 года¹⁷ и Хельсинкские правила об использовании вод международных рек 1966 года. Конвенция Организации Объединенных Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года (Конвенция о водотоках) была принята 21 мая 1997 года. В целом можно сказать, что целью Конвенции о водотоках является регулирование использования, освоения, управления и сохранения всех совместно используемых по всему миру пресных вод, как поверхностных, так и подземных. Конвенция о водотоках вступила в силу 17 августа 2014 года. По состоянию на февраль 2017 года Конвенция о водотоках насчитывала 16 подписей и 36 Государств-членов. Конвенция о водотоках представляет собой рамочную конвенцию, в которой излагаются основные принципы и процедуры, а Государства-члены оставляют детали для разработки с учетом специфики и характеристик их общих речных бассейнов. В число некоторых стран-членов входят Великобритания, Франция, Германия, Дания, Швеция и Венгрия (Европа), Ирак, Иордания, Ливан, Сирия и Катар (Ближний Восток), а также Узбекистан (Центральная Азия). Конвенция о водотоках представляет собой гибкую и всеобъемлющую глобальную правовую систему, которая устанавливает основные стандарты и правила сотрудничества между государствами водотока в области использования, управления и защиты международных водотоков. Конвенция о водотоках представляет собой наиболее авторитетную кодификацию международного водного права. Его вступление в силу в 2014 году обеспечивает дополнительную легитимность обычным принципам и нормам международного водного права, которые кодифицированы в Конвенции о водотоках, включая общую обязанность сотрудничать и выражать ее через различные конкретные обязательства по сотрудничеству.

---

¹⁵ *Абзац адаптирован из:* МакИнтайр, О. (2007). Экологическая защита международных водотоков в соответствии с международным правом [*Environmental Protection of International Watercourses Under International Law*], Оксон, Великобритания: *Ashgate Publishing*.

¹⁶ 36 ILM 700 (1997); Резолюция ГА 51/229, официальные отчеты ООН, 51-я сессия., 99-е заседание., документ ООН A/RES/51/229 (1997).

¹⁷ 1936 Сборник договоров ООН 269; 31 ILM 1312 (1992).

Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года была принята в Хельсинки в 1992 году и вступила в силу в 1996 году. Конвенция укрепляет сотрудничество в области трансграничных вод и меры по экологически обоснованному управлению и охране трансграничных поверхностных и подземных вод. В 2003 году в Конвенцию были внесены поправки, разрешающие присоединение стран за пределами региона ЕЭК ООН. Поправка вступила в силу 6 февраля 2013 года, превратив Конвенцию в правовую основу для сотрудничества в области трансграничных вод во всем мире.

Основные Хельсинкские правила 1966 года имеют особое историческое значение и более подробно обсуждаются ниже.

Конвенция о водотоках определяет термины «водоток» и «международный водоток» следующим образом:

«Водоток» означает систему поверхностных вод и подземных вод, составляющих в силу их физической взаимосвязи единое целое и обычно текущих в общую конечную точку.

«Международный водоток» означает водоток, части которого расположены в разных государствах.

Широта этих определений означает, что нормы международного права, касающиеся совместно используемой пресной воды, применяются к любой и всем «частям» международного водотока, который может находиться в данной стране. Таким образом, они будут применяться к:

например, верховьям или притокам в Государстве А водотока, впадающего в Государство В;

например, бассейну подземных вод, который охватывает границу между Государствами А и В и питается и/или питается поверхностными водами в Государстве А;

например, бассейну подземных вод, полностью расположенному в Государстве А, который питает приток водотока, впадающего в Государство В.

4.1. Общие нормы права, касающиеся использования международных водотоков

Существует несколько норм международного права общего и фундаментального характера, которые регулируют поведение национальных Государств в отношении международных водотоков. Основными из них являются следующие требования:

- Государство, которое использует международный водоток, имеет общую «обязанность сотрудничать» с другими Государствами, разделяющими водоток («Государства водотока»);
- Государство использует международный водоток таким образом, чтобы он был «справедливым и разумным» по отношению к другим Государствам, разделяющим водоток;

- Государства международного водотока принимают «все соответствующие меры», чтобы «предотвратить существенный вред» для соседних прибрежных Государств;
- Государства международного водотока предоставляют «предварительное и своевременное уведомление» другим Государствам международного водотока о любом «новом использовании или изменении существующих видов использования» международного водотока, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на эти другие Государства, вместе с соответствующей технической информацией и о том, что оно «консультируется» с другими Государствами международного водотока.

Вероятно, существует также новое правило, требующее защиты экосистем международных водотоков.

В следующих разделах представлен обзор этих общих правил и некоторых их последствий.

4.2. Обязательство по сотрудничеству

Обязательство по сотрудничеству, особенно в случае общих ресурсов, является широко признанным принципом международного права. Сотрудничество может включать такие виды деятельности, как регулярный обмен данными и информацией, уведомление о запланированных мероприятиях, ведение переговоров по спорам, научно-техническое сотрудничество. В контексте международного экологического права обязательство по сотрудничеству может также включать защиту и сохранение экосистем, а также предотвращение, уменьшение и контроль загрязнения.

Общее обязательство по сотрудничеству было включено в Часть 2 (Общие принципы) Конвенции о водотоках. Обязательство по сотрудничеству в Конвенции о водотоках изложено в статье 8 следующим образом: «Трансграничные по водотоку государства сотрудничают на основе суверенного равенства территориальной целостности и взаимной выгоды в целях достижения оптимального использования и надлежащей защиты международного водотока».

Конвенция о водотоках переплетает обязательства по сотрудничеству с основными положениями, а статьи Конвенции о водотоках о принципе справедливого и рационального использования являются показательным примером. Конкретные обязательства по сотрудничеству посредством консультаций, переговоров или обмена информацией также включены в правила по другим проблемным областям управления и развития водотока, регулируемым Конвенцией о водотоках, в том числе в отношении: устранения или уменьшения значительного вреда там, где это произошло (статья 7); реализация запланированных мероприятий (часть 3); защита экосистем (статья 20); предотвращение загрязнения (статья 21); защита морской среды (статья 23); управление

водотоком (статья 24); регулирование расхода (статья 25); и в случае чрезвычайных ситуаций (часть 5). В этом смысле Конвенция о водотоках обеспечивает всеобъемлющую и оперативную основу для обязательства по сотрудничеству.¹⁸

4.3. Равноправное и разумное использование

Нет более фундаментального правила международного закона, касающегося использования международных водотоков, чем равноправное и разумное использование. В решении по делу о проекте Габчиково-Надьмарош 1997 года (Венгрия и Словакия) Международный Суд сослался на «основное право» Государства на «равноправное и разумное распределение ресурсов международного водотока».

Хельсинкские правила 1966 года помогли установить принцип равноправного и разумного использования в качестве основного принципа, применимого к международным водотокам. Это обязательство требует, чтобы каждое прибрежное государство на постоянной основе обеспечивало свое равноправное и разумное использование трансграничного водотока по отношению к другим соседним прибрежным Государствам. Принцип применяется ко всем видам использования, включая распределение и непотребительское использование и защиту водных ресурсов. Определение того, из чего состоит равноправное и разумное использование в отдельных водных системах, зависит от конкретных условий, преобладающих в каждом бассейне. Что является равноправным и разумным в любом конкретном случае, может быть определено только с учетом всех соответствующих факторов и обстоятельств - как природных (географических, климатических; гидрографических; экологических), так и связанных с человеком (социальных и экономических потребностей прибрежных государств; сохранение; существующее и потенциальное использование).

Обычное право не дает дальнейших указаний национальным Государствам о том, какое значение следует придавать отдельным факторам, но оставляет это решение отдельным национальным Государствам. В конечном счете, взвешивание факторов и определение того, что представляет собой равноправное и разумное использование, во многом зависят от субъективных оценочных суждений, например, что означает равенство для отдельных национальных Государств, и как каждое национальное Государство оценивает важность индивидуальных критериев.¹⁹ Кроме того, условия могут меняться с течением времени, приводя к соответствующим изменениям значений, присваиваемых данным факторам. Например, засуха уменьшит фактический запас воды, а увеличение численности населения приведет к увеличению потребности в воде. Таким образом, поддержание режима использования, который является справедливым

¹⁸ *Абзац адаптирован из:* Леб, К. (2014). Шаг за шагом: международное право и обязанность сотрудничать в управлении общими водными ресурсами [*One Step at a Time: International law and the Duty to Cooperate in the Management of Shared Water Resources*], *Water International*, 40:1.

¹⁹ *Там же.*

по отношению к другим прибрежным Государствам, является безусловно динамичным процессом, требующим регулярной связи между Государствами, разделяющими водоток, - передачи данных и информации, относящихся к состоянию водотока (расходу и любым его нормам; загрязнение; метеорологические факторы, которые могут повлиять на использование и т.д.) и в отношении любых новых проектов или изменений в существующих видах использования. Многие страны, использующие международные водотоки, обнаружили, что такого рода систематическая связь может эффективно и результативно осуществляться с помощью совместного механизма управления, такого как комиссия. Ввиду отсутствия такой организации или какой-либо другой системы, обеспечивающей регулярную связь, в лучшем случае может быть сложно поддерживать режим использования, который является равноправным по отношению к соседнему прибрежному Государству.

4.4. Равноправное участие

Государства не могут добиться равноправного и разумного использования в изоляции, и требуется участие другого Государства (государств), совместно использующих гидрологическую систему. Прибрежные государства имеют право и обязаны участвовать в использовании, развитии и защите на равноправной и разумной основе. Это понятие отражено в концепции «равноправного участия», принципе, отраженном в статье 5(2) Конвенции о водотоках, который гласит:

Государства водотока должны участвовать в использовании, развитии и охране международного водотока на равноправной и разумной основе. Такое участие включает в себя как право на использование водотока, так и обязанность сотрудничать в его охране и развитии, как это предусмотрено в настоящей Конвенции о водотоках.

В деле о проекте Габчиково-Надьмарош 1997 года (Венгрия и Словакия) Международный Суд подчеркнул важность равноправного участия в «общем использовании общих водных ресурсов для достижения нескольких целей, упомянутых в Договоре [в вопросе]». Поручив Государствам найти согласованное решение, МС заявил, что «восстановление совместного режима также будет оптимальным образом отражать общее использование общих водных ресурсов ... в соответствии со статьей 5 (2) Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков.

4.4. Предотвращение значительного вреда

Основополагающая норма международного права заключается в том, что одно Государство не должно наносить «значительный ущерб» другому. Этот принцип был признан в нескольких важных международных делах (например, целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)). Однако применение этого принципа к международным водотокам может быть несколько сложным. Хотя очевидно, что одно Государство не может преднамеренно нанести значительный ущерб другому путем, например, затопления или преднамеренного выброса токсического загрязнения,

использование одного Государства, которое уменьшает водообеспеченность в другом Государстве, запрещено этой нормой, зависит от фактов и обстоятельств дела. Лучшее мнение состоит в том, что такая ситуация регулируется в первую очередь принципом равноправного использования, и если вред наносится по характеру использования, которое с другой стороны является равноправным, его не следует запрещать. В иных случаях, например, позднее развивающемуся Государству верхнего бьефа будет запрещено развивать участок международного водотока на своей территории в той мере, в которой такое развитие наносит ущерб существующим видам использования в Государствах нижнего бьефа. Многие утверждают, что это мнение - что в отношении принципа распределения равноправного использования превалирует над принципом предотвращения вреда, если оба они вступают в конфликт, - как представляется, подтверждается Конвенцией о водотоках, в частности в статье 7(2). Государства нижнего бьефа иногда утверждают обратное.

Международный Суд по делу о проекте Габчиково-Надьмарош ссылаясь только на принцип равноправного использования при рассмотрении соответствующих прав сторон на использование и преимущества использования реки; принцип предотвращения вреда фигурирует только, что важно, как ограничение действий, которые могут повлиять на окружающую среду других Государств.

Независимо от его отношения к равноправному использованию, обязанность предотвращать значительный ущерб другим национальным Государствам не является абсолютной. Скорее обязанность является обязательством должной ответственности, требующим, чтобы страна приложила все усилия для предотвращения вреда. Таким образом, соблюдение Государством этого обязательства будет частично зависеть от его способности сделать это. Поэтому, можно предположить, что развивающиеся страны, как правило, будут иметь больше возможностей в этом отношении, чем развитые страны, в силу большей способности последних предотвращать вред для соседних прибрежных государств.

4.5. Правила относительно нового использования / Уведомления и консультации

Несмотря на то, что в некоторых случаях в прошлом этот вопрос был спорным, сегодня мало кто сомневается в том, что обычное международное право требует, чтобы национальное Государство планировало новый проект по международному водотоку, чтобы уведомить другие национальные Государства, которые могут пострадать от этого проекта. Это правило применяется ко всем проектам, которые могут изменить режим водотока таким образом, чтобы это наносило ущерб другим прибрежным Государствам.

В своей классической концепции он применяется к проектам (включая как новые виды использования, так и изменения в существующих видах использования), которые могут оказывать неблагоприятное фактическое воздействие на другие Государства. Совсем

недавно было признано, что это правило также должно охватывать отрицательные правовые последствия. Так, например, запланированный проект в государстве у нижнего бьефа может, если он будет реализован, лишить вышестоящее Государство возможности внедрить собственный проект без риска того, что его проект приведет к тому, что его общее использование будет сочтено неравноправным. Из-за этой возможности соседним прибрежным Государствам следует сообщать обо всех запланированных значимых проектах, даже если они не могут оказать отрицательного фактического воздействия в этих Государствах.

После получения уведомления Государство, в котором планируется проект, обязано консультироваться с потенциально затрагиваемым Государством или Государствами. Ожидается, что планирующие и потенциально затронутые Государства добьются справедливого разрешения любых разногласий между ними в отношении проекта.

Обязательство уведомлять те государства водной системы, которые подвергаются риску значительного ущерба, причиненного запланированными мерами, является частью обычного международного права. Резолюция 2995 (XXVII) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Принцип 19 Декларации Рио-де-Жанейро формулируют обязательство в целом для окружающей среды как обязательство, направленное на предотвращение значительного отрицательного трансграничного воздействия на окружающую среду. В резолюции 2995 уточняется, что уведомление «будет направляться и получаться в наилучшем духе сотрудничества и добрососедства, при этом это не должно толковаться как позволяющее каждому Государству задерживать или препятствовать осуществлению программ и проектов уведомляющего Государства».

Конвенция о водотоках предусматривает более общие информационные обязательства, связанные с запланированными мерами. Статья 11 гласит:

Государства водотока обмениваются информацией, консультируются друг с другом и, при необходимости, ведут переговоры о возможных последствиях запланированных мер по состоянию международного водотока.

Государства несут ответственность за согласование точного момента времени направления уведомления. Если в договоре не указан период времени для предварительного уведомления, необходимо обратиться к более общим правилам. В статье 12 Конвенции о водотоках говорится о «своевременном» уведомлении. Положения в других документах используют то же выражение или другие подобные неточные термины, такие как «своевременно», «незамедлительно» и «как можно раньше». МС в деле о *целлюлозном заводе* 2010 года разъяснил, что уведомление должно направляться в такой момент времени, который требуется относительно предполагаемой цели уведомления.

В отсутствие уведомления, которое может быть направлено, когда планирующее Государство оценивает, что ни одно другое Государство не будет существенно затронуто, статья 18 КБТО предусматривает, что прибрежное Государство, которое, тем не менее, считает, что оно подвергается риску значительного ущерба, может потребовать уведомления и предоставления соответствующей информации от планирующего Государства.

Уведомление должно содержать достаточно информации, чтобы уведомленные Государства могли оценить потенциальные последствия проекта. Статья 12 Конвенции о водотоках дает общие руководящие указания: она требует предоставления «имеющихся технических данных и информации, в том числе результатов любой оценки воздействия на окружающую среду», которые позволили бы уведомленному Государству дать разумную оценку степени, в которой планы подвергают риску отрицательного воздействия на него. Согласно этому правилу уведомляющее Государство должно предоставлять только информацию, которая была собрана при планировании меры и которая легко доступна.

Требование о передаче «результатов оценки воздействия на окружающую среду» было усилено решением МС по делу о *целлюлозном заводе*. В этом случае Суд установил, что «в соответствии с общим международным правом в настоящее время может считаться требованием провести оценку воздействия на окружающую среду, когда существует риск того, что намечаемая производственная деятельность может оказать значительное неблагоприятное воздействие в трансграничном контексте, в частности, на совместно используемый ресурс». (2010 МС, стр. 83, п. 204). В решении от 2015 года по делам о реке Сан-Хуан (Коста-Рика против Никарагуа; Никарагуа против Коста-Рики), Суд подтвердил, что, хотя он и ссылаясь на «производственную» деятельность на *целлюлозных заводах*, «основополагающий принцип в целом применяется к намечаемым мероприятиям, которые могут оказать существенное неблагоприятное воздействие в трансграничном контексте» (2015 год МС, п. 104).

Конвенция о водотоках (статьи 14, 17 и 18) и другие документы предусматривают обязательство приостанавливать осуществление рассматриваемой запланированной меры после соответствующего уведомления. В статье 14 Конвенции о водотоках предусматривается, что планирующее Государство должно ожидать реакции от уведомленного Государства в течение периода, разрешенного для ответа, прежде чем приступить или разрешить осуществление запланированной меры. Уведомление о запланированных мерах, как правило, предусматривает период, в течение которого уведомленное Государство может дать ответ. Многие из этих документов, которые определяют сроки, предоставляют период около шести месяцев. Обязанность приостанавливать реализацию (статья 17 Конвенции о водотоках) распространяется на

период после получения ответа, если отвечающее Государство просит об этом, для проведения содержательных консультаций и/или переговоров.

Когда уведомляющее Государство не получает ответ в установленные сроки, оно может приступить к реализации в соответствии с техническими спецификациями, приведенными в уведомлении, и в пределах, предусмотренных принципом равноправного и разумного использования, и обязательством не причинять значительный вред.

4.6. Правила, касающиеся загрязнения

Конвенция о водотоках предусматривает, что Государства, совместно использующие международный водоток, обязаны защищать и сохранять экосистемы водотока (статья 20). Хотя это обязательство не связано с причинением вреда другим Государствам, маловероятно, что соседнее прибрежное государство заявит о нарушении, если ему не будет причинен какой-либо вред. В частности, Государства обязаны предотвращать, сокращать и контролировать загрязнение, которое может нанести значительный вред соседним прибрежным странам. Подобно обязательству по предотвращению значительного вреда, это обязательство носит характер должной осмотрительности.

4.7. Особый случай совместно используемых подземных вод

Обсуждаемые выше правила применяются ко всем компонентам международной системы водотока, включая подземные воды. Тем не менее, с учетом различных характеристик подземных вод, правила могут применяться несколько иначе.²⁰

Комиссия международного права также подготовила 19 проектов статей (2008 г.) об управлении и использовании трансграничных водоносных горизонтов, которые в целом применяют принципы Конвенции о водотоках к совместно используемым подземным водам. Эти 19 проектов статей по-прежнему находятся на рассмотрении. Тем не менее, они представляют усилия МС по толкованию и, в случае необходимости, прогрессивному развитию международного права по этому вопросу.

По словам профессора МакКаффри, представляется возможным прийти к определенным общим выводам:

Во-первых, обязательство равноправного и разумного использования в равной степени распространяется на поверхностные и подземные воды. Во-вторых, обязательство предотвращать значительный ущерб может быть несколько более строгим в случае подземных вод из-за большей важности предотвращения, когда это имеет место; ущерб, причиняемый водоносным горизонтом, часто занимает больше времени, чем в случае поверхностных вод. Это особенно относится к загрязнению, которое может привести к

---

²⁰ См.: Экштейн, Г. и Экштейн, Й. (2005). Трансграничные водоносные горизонты: концептуальные модели развития международного права [*Transboundary Aquifers: Conceptual Models for Development of International Law*], *Ground Water*, том 43, 2005. Доступен в SSRN: <https://ssrn.com/abstract=900244>.

загрязнению водоносного горизонта, который не может быть устранен в течение многих лет, если вообще будет устранен. И в-третьих, особые характеристики подземных вод делают тесное сотрудничество между государствами, разделяющими их, особенно важным. Предварительное уведомление, обмен данными и информацией на регулярной основе и, где возможно, создание совместных механизмов управления приобретают все большее значение в отношении совместно используемых подземных вод.

4.8. Мирное урегулирование споров

Этот принцип предусматривает, что все Государства в международном водотоке должны стремиться к урегулированию споров мирными средствами в том случае, если соответствующие Государства не могут достичь соглашения путем переговоров. Этот принцип был одобрен большинством современных международных конвенций, соглашений и договоров, таких как Хельсинкские правила 1966 года (статья XXVII) и Конвенция о водотоках (статья 33).

Этот принцип также был включен в такие основные договоры по водотокам, как: Договор водах Инда 1960 года (статья IX, приложение F и приложение G); Конвенция ЕЭК 1992 года об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер (статья 22); Пересмотренный Протокол САДК 2000 года по общим водотокам (статья 7), Соглашение 1995 года о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Меконг (статьи 34 и 35); и Рамочное соглашение 2002 года по бассейну реки Сава (статьи 22–24).

5. Возможное перспективное решение²¹

По состоянию на сентябрь 2018 года только Узбекистан ратифицировал Конвенцию по водотокам 1997 года, и только Казахстан, Туркменистан и Узбекистан ратифицировали Конвенцию по водным ресурсам ЕЭК ООН 1992 года. Тем не менее, считается, что взаимосвязь/проблема водных ресурсов, энергетики и сельского хозяйства в Центральной Азии действительно предлагает некоторую возможность для решений, и даже могут быть причины для сдержанного оптимизма.²²

Авторитетная Международная кризисная группа (ICG) выдвинула два возможных решения, основанных на международном праве, для решения проблемы взаимосвязи воды, энергетики и сельского хозяйства ЦА в будущем.

---

²¹ См. также сопутствующую статью Сергея Владимировича Виноградова в этом выпуске.

²² МКГ (2014). Факторы водного кризиса в Центральной Азии. Доклад МКГ №233 Ош/Брюссель.

Первое решение включает в себя удвоение усилий всех государств ЦА, включая Афганистан, по разработке одного или нескольких юридически обязывающих международных соглашений ЦА в отношении водных и связанных с ними ресурсов, при этом предоставляя возможность для заключения отдельных соглашений по Сырдарье и Амударье. Важно отметить, что международное сообщество (включая Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) и Всемирный банк) успешно подготовило почву для сотрудничества в ЦА, содействуя переговорам по различным проектам соглашений, предполагающим, что по крайней мере, некоторые общие интересы, по-видимому, разделены между различными государствами ЦА, которые могли бы стать основой для разрешения исторических противоречий и продвижения вперед.²³

В течение многих лет Узбекистан настаивал на том, чтобы все государства ЦА присоединились к водным конвенциям ООН/ЕЭК ООН, прежде чем Узбекистан будет сотрудничать по любому конкретному соглашению по сохранению и управлению общими международными водными и связанными с ними ресурсами бассейна Аральского моря. Однако с передачей власти в Ташкенте в 2016 году динамика в регионе резко изменилась, и теперь Узбекистан, похоже, выступает за разработку одной или нескольких региональных конвенций по водным и связанным с ними ресурсам. К сожалению, кажущийся вновь обретенным энтузиазм в Узбекистане сопровождался соразмерным отсутствием энтузиазма со стороны различных стран верхнего бьефа, особенно Кыргызстана. Кыргызстан почувствовал, что различные проекты соглашений, которые начали появляться в конце 2016 года и в последующий период, были необоснованно направлены на интересы стран нижнего бьефа, и/или национальные интересы стран верхнего бьефа не были приняты во внимание. По тем же причинам Кыргызстан приостановил членство в Международном фонде спасения Арала (МФСА) пару лет назад. Тем не менее, Туркменистан созвал саммит всех Государств-членов МФСА в августе 2018 года, который стал первым подобным саммитом за почти десятилетие, хотя президент Кыргызстана Жээнбеков участвовал только в качестве почетного гостя.

Идеальное юридически обязывающее международное соглашение по всему ЦА по сохранению и управлению общими международными водными и связанными ресурсами в Центральной Азии будет включать:

- Рамочное соглашение по сохранению и управлению совместно используемыми международными водами и связанными с ними ресурсами в ЦА в соответствии с Конвенцией о водотоках, Конвенцией ЕЭК ООН и Хельсинкскими правилами, при этом отражая уникальную историю и особый аридный характер региона ЦА;

---

²³ Там же.

- Процедура предотвращения и разрешения различных конфликтов, которые исторически возникали между государствами ЦА в отношении использования и управления совместно используемыми международными водами и связанными с ними ресурсами. например, развитие инфраструктуры и изменение климата, которые могут потребовать изменения режима потока или нормы водопотребления;
- Процедура соблюдения и обеспечения выполнения согласованных обязательств в той части мира, где невыполнение согласованных обязательств давно является серьезной проблемой;²⁴

Во-вторых, посредничество на высоком уровне для решения возражений против новых проектов развития гидроэнергетики в верхнем бьефе, включая разработку процедуры, которая будет успешно направлять строительство и эксплуатацию инфраструктурных проектов ЦА с потенциальным трансграничным воздействием, которое может включать определение условных обязательств по минимизации экономических, социальных и/или воздействия на окружающую среду, в случае его возникновения, и компенсации известного, но непреднамеренного воздействия.²⁵

По данным ICG:

*«Нужно искать посредников на высоком уровне для решения возражений Узбекистана против гидроэнергетических проектов в верхнем бьефе. Нет никаких гарантий, что это сработает, но это может дать этим трем государствам (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) возможность модернизировать инфраструктуру и управление водными ресурсами, а также подготовить новое поколение технических специалистов. Соглашения также создадут скромный прецедент для других сфер, в которых сотрудничество крайне необходимо, и могут помочь разрядить напряженность в регионе, одновременно улучшая суровые жизненные условия большинства его населения».*²⁶

Хорошо известно, что посредничество сыграло решающую роль во всем мире в разрешении конфликтов из-за совместно используемых международных вод, предотвращении вспышек насилия и расширении взаимодействия и сотрудничества между бывшими историческими противниками.²⁷

²⁴ Всемирный банк (2004). Взаимосвязь «вода-энергия» в Центральной Азии [*Water and Energy Nexus in Central Asia*] в v.

²⁵ Зюскинд, Л. и Филд, П. (1996). Взаимодействие с разгневанной общественностью: взаимовыгодный подход к урегулированию споров [*Dealing with an Angry Public: The Mutual Gains Approach to Resolving Disputes*], Нью-Йорк: *The Free Press*.

²⁶ МКГ (2014) в ii.

²⁷ Департамент по политическим вопросам ООН и Программа по окружающей среде ООН. Природные ресурсы и конфликты: руководство для практикующих медиаторов [*Natural Resources and Conflict: A Guide for Mediation Practitioners*], ДПП ООН (2015) в 54. См. также: Пейсли, Р.К. (2017). Грядет зима: стратегические интересы США

Эти инициативы явно не являются панацеей от всего, что касается общего управления международными водами в ЦА.

Тем не менее, эти инициативы помогут сосредоточить регион на создании одной или нескольких зарождающихся международных организаций речных бассейнов, основанных на верховенстве закона, которые могут в конечном итоге охватить более крупные решения в области управления водными и энергетическими ресурсами, которые значительно уменьшат воздействие климатических изменений и разрешат возможные обоснованные опасения Узбекистана в отношении строительства и эксплуатации, например, Рогунской ГЭС в Таджикистане.²⁸

6. Предложения для дальнейшего чтения

А. Общие

Берден, Б. (2010). Правовой режим реки Меконг: взгляд в прошлое и некоторые предложения в отношении будущего курса [*The Legal Regime of the Mekong River: A Look Back and Some Proposals for the Way Ahead*], *Water Policy* 12, с. 798-821;

Кранц, Н., Видаурре, Р. (2008). Институциональный анализ водного режима бассейна реки Оранжевая-Сенку: формирование организации речного бассейна для адаптивного управления водными ресурсами [*Institution-Based Water Regime Analysis Orange-Senqu Basin: Emerging River Basin Organisation for Adaptive Water Management*], *NeWater*;

Мбенг, М. (2014). Модель для африканских общих водных ресурсов: правовая система реки Сенегал [*A Model for African Shared Water Resources: The Senegal River Legal System*], *Review of European Community and International Environment Law*, 23:1, с. 59-67;

Пейсли, Р., Хеншоу, Т. (2013). Трансграничное управление бассейном реки Нил: прошлое, настоящее и будущее [*Transboundary Governance of the Nile River Basin: Past, Present and Future*], *Environmental Development*, 7, с. 59-71;

Рахаман, М. (2012). Принципы управления трансграничными водными ресурсами и водные соглашения в Центральной Азии: анализ [*Principles of Transboundary Water Resources Management and Water-Related Agreements in Central Asia: An Analysis*], *International Journal of Water Resources Development*, 28:3, с. 475-491;

Януш-Павлетта, Б. (2015). Текущие правовые вызовы институционального управления трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии и механизмы совместного управления [*Current Legal Challenges to Institutional Governance of Transboundary Water*

и разрешение дилеммы взаимосвязи «вода-энергия-сельское хозяйство» в Центральной Азии [*Winter is Coming: USA Strategic Interests and Addressing the Water- Energy-Agriculture Nexus Conundrum in Central Asia*], ВФДП США.

²⁸ Ларюэль, М. и Пейруз, С. (2012). Региональные организации в Центральной Азии: модели взаимодействия, дилеммы эффективности [*Regional Organizations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency*], Рабочий документ №10 (2012), Университет Центральной Азии, магистратура по вопросам развития, Институт государственного управления и политики. По данным Ларюэля и Пейруза существует множество исторических, культурных и политических факторов, препятствующих успешному созданию и поддержанию деятельности региональных организаций в Центральной Азии.

Resources in Central Asia and Joint Management Arrangements], *Environ Earth Sci*, 73, с. 887-896.

Б. Обмен данными и информацией

Бертон, М., Молден (2005). Принятие разумных решений: информационные потребности при управлении водами бассейна [*Making Sound Decisions: Information Needs for Basin Water Management*], в: Свендсен, М. (ред.). Управление ирригацией и речными бассейнами: варианты для управления и организаций [*Irrigation and River Basin Management: Options for Governance and Institutions*], Массачусетс, *CABI Publishing*;

Герлак, А., Лауце, Дж., Джордано, М. (2011). Обмен данными и информацией о водных ресурсах в рамках договоров по трансграничным водам. Международные природоохранные соглашения [*Water Resources Data and Information Exchange in Transboundary Water Treaties. International Environ Agreements*], *Politics, Law and Economics*, 179 (проанализировано 287 соглашений по трансграничным водам);

Пейсли, Р.К. и Хеншоу, Т. (2014). Невозможно управлять тем, что не поддается измерению: трансграничные воды, эффективное управление и совместное использование и обмен данными и информацией [*If You Can't Measure it You Can't Manage It: Transboundary Waters, Good Governance and Data and Information Sharing and Exchange*], *24 Ind. Int'l & Comp. L.*, ред. 204;

Тиммерман, Й., Дангаас, С. (2005). Информация о воде – в чем ее польза? Использование информации в управлении трансграничными водами [*Water Information: What is it Good For? The Use of Information in Transboundary Water Management*], *Environ Change*, 5:177;

Ченовет, Дж., Фейтельсон, Е. (2001). Анализ факторов, влияющих на обмен данными и информацией в международных речных бассейнах: можно ли использовать такой обмен для укрепления доверия к совместному управлению? [*Analysis of Factors Influencing Data and Information Exchange in International River Basins: Can Such Exchange Be Used to Build Confidence in Cooperative Management?*], *Water International*, 26:499 (тематические исследования: бассейн рек Муррей-Дарлинг; бассейн реки Рейн; бассейн реки Рио-Гранде; бассейн реки Инд; бассейн реки Меконг; бассейн реки Дунай; бассейн реки Нил; бассейн реки Иордан).

В. Изменение климата, адаптация и устойчивость

Экштейн, Г. (2009). Нехватка воды, конфликты и безопасность в условиях изменения климата: вызовы и возможности в области международного права и политики [*Water Scarcity, Conflict, and Security in a Climate Change World: Challenges and Opportunities for International Law and Policy*], *409 Wis. Int'l L.J.*;

Кули, Х., Кристиан-Смит, Дж., Глейк, П., Аллен, Л., Коэн, М. (2009). Понимание и снижение рисков в связи с изменением климата для международных водотоков [*Understanding and Reducing the Risks of Climate Change for International watercourses*], Тихоокеанский институт, Калифорния (тематические исследования: бассейн реки Нил; бассейн реки Меконг; бассейн реки Колорадо; водоносный горизонт Гуарани);

Радгевер, Г., Мостерт, Э., Кранц, Н., Интервис, Э., Тиммерман, Дж. (2008). Оценка режимов управления в трансграничных речных бассейнах: поддерживают ли они адаптивное управление? [*Assessing Management Regimes in Transboundary River Basins: Do They Support Adaptive Management?*], *Ecology & Society* 13(1):1 (тематические исследования: бассейн реки Оранжевая-Сенку; бассейн реки Рейн);

Суэйн, А. (2012). Глобальное изменение климата и вызовы для международных соглашений по рекам [*Global Climate Change and Challenges for International River Agreements*], *International Journal of Sustainable Society*, том 4 (1/2), с. 72-87 (тематические исследования: бассейн реки Нил; бассейн реки Замбези; бассейн реки Меконг; бассейн реки Ганг; бассейн реки Иордан);

Грин, О., Косенс, Б., Гарместани, А. (2013). Устойчивость управления трансграничными водами: бассейн реки Окаванго [*Resilience in Transboundary Water Governance: the Okavango River Basin*], *Ecology and Society*, 18:2:23;

Шмейер, С. (2011). Устойчивость к изменению климата – обусловленные вызовы в бассейне реки Меконг: роль МРК [*Resilience to Climate Change – Induced Challenges in the Mekong River Basin: The Role of the MRC*], Материалы о воде (*Water papers*), Всемирный банк;

Хернз, Г. и Пейсли, Р.К. (2013). Юристы составляют договоры, инженеры строят дамбы, боги погоды игнорируют и тех, и других: обеспечение актуальности, гибкости и устойчивости соглашений о трансграничных международных водах в период глобального изменения климата [*Lawyers Write Treaties, Engineers Build Dikes, Gods of Weather Ignore Both: Making Transboundary International Waters Agreements Relevant, Flexible and Resilient in a Time of Global Climate Change*], *6 Golden Gate, Univ. Env. Law Journal* 259.

Г. Участие общественности, открытость и прозрачность

Рье-Кларк, А. (2007). Обзор участия заинтересованных сторон: каковы текущие практики и будущие вызовы? Тематическое исследование бассейна реки Дунай [*An Overview of Stakeholder Participation – What Current Practice and Future Challenges? Case Study of the Danube Basin*], *Colo. J. Int'l Env'tl Law and Policy*, 611;

Хаас, Л., Маццеи, Л., О'Лири, Д. (2010). Водный проект в Высокогорье Лесото: методы коммуникации для усовершенствования управления и устойчивости [*Lesotho Highlands Water Project: Communications Practices for Governance and Sustainability Improvement*], Всемирный банк, 55840;

Эрл, А., Мальцбендер, Д. (ред.) (2007). Участие заинтересованных сторон в управлении трансграничными водами – отдельные тематические исследования [*Stakeholder Participation in Transboundary Water Management – Selected Case Studies*], InWEnt, Германия (тематические исследования: бассейн реки Пунгве; бассейн реки Сенегал; бассейн реки Комати; бассейн реки Окаванго; бассейн реки Дунай; система Великих озер в Северной Америке; бассейн реки Меконг).

Д. Мониторинг, соблюдение и урегулирование споров

Пейсли, Р., Гржибовский, А. (2011). Некоторые соображения по разрешению межгосударственных споров в области управления международными водами. Соглашения [*Some Reflections on the Resolution of State-to-State Disputes in International Waters Governance. Agreements*], *International Journal of Rural Law and Policy*, спец. издание;

Салман, С. (2006). Международные водные споры: новое поколение претензий, заявителей и институтов по урегулированию [*International Water Disputes: A New Breed of Claims, Claimants, and Settlement Institutions*]. Международная ассоциация по водным ресурсам, 31:1, с. 2-11 (примеры споров по пограничным рекам; проблемы качества воды и роль третьих и четвертых сторон);

Салман, С. (2008). Баглихарское разногласие и процесс его урегулирования: триумф договора о водах Инда? [*The Baglihar Difference and its Resolution Process – A Triumph for the Indus Waters Treaty?*], *Water Policy*, 10, с. 105-117;

Фишхендлер, И. (2008). Неопределенность в урегулировании трансграничных экологических споров: водное соглашение между Израилем и Иорданом [*Ambiguity in Transboundary Environmental Dispute Resolution: The Israeli-Jordanian Water Agreement*], *Journal of Peace Research* 45.

Е. Сотрудничество и совместное использование выгод

Гржибовский, А., МакКаффри, С.К. и Пейсли, Р.К. (2010). За рамками международного водного права: успешные переговоры по взаимовыгодным соглашениям о международных водотоках [*Beyond International Water Law: Successfully Negotiating Mutually Beneficial Agreements for International Watercourses*], 22 *Pacific McGeorge, Global Business & Development Law Journal*, 139 (2010);

Каддуми, Х. (2008). Практические подходы к совместному использованию водных выгод [*Practical Approaches to Transboundary Water Benefit Sharing*], Институт развития зарубежных стран, Рабочий документ 292 (многочисленные примеры из международного опыта);

Садофф, К., Грей, Д. (2002). За пределами реки: выгоды от сотрудничества по международным рекам [*Beyond the River: The Benefits of Cooperation on International Rivers*], *Water Policy*, 4, с. 389-403 (многочисленные примеры из международного опыта);

Садофф, К., Грей, Д. (2005). Сотрудничество по международным рекам [*Cooperation on International Rivers*], *Water International*, 30:4, с. 420-427;

Субраманьян, А., Браун, Б., Вольф, А. (2012). С берега на берег: угроза рисков, связанных с сотрудничеством в международных водах [*Reaching Across the Waters: Facing the Risks of Cooperation in International Waters*], Всемирный банк, 70607 (тематические тематические исследования: бассейн Восточного Нила; бассейн реки Ганг; бассейн реки Нигер; бассейн реки Сырдарья; бассейн реки Замбези).

Хенсенгерт, О., Домбровский И., Шойманн, В. (2012). Получение общих выгод от проектов по сооружению плотин на общих реках [*Benefit-Sharing in Dam Projects on*

- Shared Rivers*], Документ для обсуждения, Немецкий институт развития (тематические исследования: бассейн реки Сенегал; бассейн реки Колумбия; бассейн реки Оранжевая-Сенку; бассейн реки Нил; бассейн реки Замбези и бассейн реки Ла-Плата);
- Юй, В. (2008). Получение общих выгод от международных рек: результаты по бассейну реки Сенегал, бассейну реки Колумбия и Водному проекту в Высокогорье Лесото [*Benefit Sharing in International Rivers: Findings from the Senegal River Basin, the Columbia River Basin, and the Lesotho Highlands Water Project*], Всемирный банк;
- G. Обязанность сотрудничать; равноправное и разумное использование; добрососедство; предотвращение вреда; обмен информацией; уведомления и консультации; переговоры в духе доброй воли; другие релевантные принципы*
- Дело о проекте Габчикова-Надьмарош (Венгрия и Словакия) 1997 г. [Эл. ресурс] URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7375.pdf>;
- Дело о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина и Уругвай), МС Отчеты 2010 с. 14. [Эл. ресурс] URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/135/15877.pdf>;
- Джордано, М., Дрищева, А., Дунакан, Дж., Саяма, Й., Де Стефано, Л., Вольф, А. (2014). Обзор эволюции и состояния трансграничных договоров о пресной воде [*A Review of the Evolution and State of Transboundary Freshwater Treaties*], *International Environmental Agreements*, 14:3, с. 245-264 (анализ 668 водных договоров);
- Конвенция об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер (Конвенция ЕЭК ООН 1992 г.) [Эл. ресурс] URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf>;
- Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. [Эл. ресурс] URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf;
- Леб К. (2014). Шаг за шагом: международное право и обязанность сотрудничать в управлении общими водными ресурсами [*One Step at a Time: International law and the Duty to Cooperate in the Management of Shared Water Resources*], *Water International*, 40:1, с. 21-32 (приведенные примеры: бассейн реки Брахмапутра; бассейн реки Рейн; бассейн реки Ла-Плата);
- МакКаффри, С. (2014). Международное водное сотрудничество в 21-м веке: последние изменения в праве международных водотоков [*International Water Cooperation in the 21st Century: Recent Developments in the Law of International Watercourses*], *Review of European Community and International Environmental Law*, 23:1, с. 4-14.
- МакКаффри, С.К. (2007). Право международных водотоков [*The Law of International Watercourses*], Оксфорд, 2-е изд.;
- Пейсли, Р. (2002). Из противников в партнеры: международное водное право и справедливое совместное использование выгод в нижнем течении [*Adversaries into Partners: International Water Law and the Equitable Sharing of Downstream Benefits*], *Melbourne Journal of International Law*, 3, с. 280-300 (тематические исследования: бассейн реки Колумбия; бассейн реки Карнали; бассейн реки Меконг);

Проекты статей КМП о праве несудоходных видов использования международных водотоков 2004 г. [Эл. ресурс] URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/8_3_1994.pdf;

Проекты статей КМП о праве трансграничных водоносных горизонтов. [Эл. ресурс] URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/8_5_2008.pdf;

Рахаман, М. (2009). Принципы управления трансграничными водными ресурсами и договоры по Гангу: анализ [*Principles of Transboundary Water Resources Management and Ganges Treaties: An Analysis*], *Water Resources Development*, 25:1, с. 59-173. (тематические исследования: договор по Махакали 1996 г.; договор по Гангу 1996 г. (Фаракка));

Рье-Кларк, А. (2014). Процедуры уведомления и консультаций по соглашению о Меконге: выводы из спора по Ксяябури [*Notification and Consultation Procedures Under the Mekong Agreement: Insights from the Xayaburi Controversy*], *Asian Journal of International Law*, 5, с. 143-175;

Рье-Кларк, А. (2014). Уведомление о плановых мерах в отношении международных водотоков и консультации по ним: извлечение уроков из дел о целлюлозных заводах и Кишенганги [*Notification and Consultation on Planned Measures Concerning International Watercourses: Learning Lessons from the Pulp Mills and Kishenganga Cases*], *Yearbook of International Environmental Law*, 24:1, с. 102-130;

Салман, С. (2015). Вступление в силу Конвенции ООН о водотоках: почему это важно? [*Entry into Force of the UN Watercourses Convention: Why Should it Matter?*], *International Journal of Water Resources Development*, 31:1, с. 4-16;

Упрети, К., Салман, С. (2011). Правовые аспекты совместного использования международных водотоков в Южной Азии и управления ими: предотвращение конфликтов и стимулирование сотрудничества [*Legal aspects of sharing and management of international watercourses in South Asia: preventing conflicts and promoting cooperation*], *Hydrological Sciences Journal*, 56:4, с. 641-661 (тематические исследования: бассейн реки Инд; система рек Ганг-Брахмапутра-Мегхна);

Хельсинкские правила об использовании вод международных рек 1966 г. [Эл. ресурс] URL: http://webworld.unesco.org/water/wwap/pccp/cd/pdf/educational_tools/course_modules/reference_documents/internationalregionconventions/helsinkirules.pdf.

Литература

Eckstein, Gabriel and Eckstein, Yoram, *Transboundary Aquifers: Conceptual Models for Development of International Law. Ground Water*, Vol. 43, 2005. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=900244>

International Crisis Group, *Water Pressures in Central Asia. ICG Asia Report No. 233* Osh/Brussels. 2014.

International Crisis Group, *Water Pressures in Central Asia. ICG Asia Report No. 233* Osh/Brussels. 2014 (ICG 2014).

Miroslav, Mansur. Are “Water Wars” Imminent in Central Asia? Aljazeera, 23 March 2016. <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2016/03/water-wars-imminent-central-asia-160321064118684.html> (27 July 2016); Bart, Jason, Weaponizing water: water and energy as sources of conflict among the Central Asian Soviet successor states. 22 Mich. St. Int’l. L. Rev. 409. 2013.

Nichol, Jim. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests, Congressional Research Service, 2014 at 3.

Paisley, Richard Kyle. Winter is Coming: USA Strategic Interests and Addressing the Water- Energy-Agriculture Nexus Conundrum in Central Asia, WWF USA (2017)

Susskind, Lawrence and Patrick Field. Dealing with an Angry Public: The Mutual Gains Approach to Resolving Disputes, New York: The Free Press, 1996.

United Nations Department of Political Affairs and the United Nations Environment Programme. Natural Resources and Conflict: A Guide for Mediation Practitioners, UN DPA, 2015 at 54.